

ПЕРВЫЙ СЛАВЯНСКИЙ КОНГРЕСС В ИСПОВЕДИ МИХАИЛА БАКУНИНА

© Л. Ф. Луцевич

Варшавский университет

Польша, 00-927 г. Варшава, ул. Краковское предместье, 26/28.

E-mail: l_luts@rambler.ru

В работе рассматривается произведение русского революционера Михаила Бакунина «Исповедь», которое принадлежит к разряду не только личных, но и исторических, политических, публицистических документов. Большое внимание в «Исповеди» уделяется проблемам современной Бакунину европейской политики, среди которых особое место занимают описание деятельности Первого Славянского конгресса (1848) и идея всеславянского единства, впервые высказанная хорватским мыслителем, богословом, лингвистом Юрием Крижаничем. Бакунин анализирует расклад политических сил на Съезде: 1) ряд славянских деятелей поддерживал идею Крижанича о политическом, культурном и языковом объединении славян под эгидой России; 2) категорически не принимали российское главенство чехи – сторонники австрославизма; 3) среди поляков издавна существовали как пророссийские, так и мощные антироссийские настроения, представители которых считали, что главную роль в объединении всех славян должна сыграть Польша; 4) южные славяне в дебатах не участвовали; 5) русских на конгрессе было всего двое: Бакунин и некий монах – инок Алимпей Милорадов. В своей общей оценке славянского конгресса Бакунин, с одной стороны, отметил его важность; с другой – указал на его ничтожную практическую значимость. Сама же идея славянского единства станет на многие годы одной из любимых у русского анархиста.

Ключевые слова: Михаил Бакунин, Первый Славянский конгресс, идея всеславянского единства, русские радикалы, Николай I, Российская империя.

Пафос свободы бросил Михаила Александровича Бакунина (1814–1876) [9, с. 7–38, 406–463; 10; 11; 30], аристократа, философа-гегельянца, в пламя европейских революций (Париж и Прага, 1848 г., Дрезден, 1849 г.). Он был арестован, приговорен к смертной казни в Саксонии, в Австрии, а затем передан российским властям, уpekшим его сначала в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, а затем в Шлиссельбургскую¹.

В 1851 году, после двух месяцев отсидки в Алексеевском равелине, Бакунину – государственному преступнику номер один, было передано предложение первого лица империи, Николая I, написать чистосердечные признания так, «как бы вы говорили со своим духовным отцом» [1, с. 25], то есть исповедь. Бакунин принял императорское предложение: «я буду исповедываться Вам как духовному отцу» [1, с. 25], и в течение месяца написал свое «покаяние».

Исповедь Бакунина принадлежит к разряду не только личных документов, но и документов исторических, политических, публицистических (аналоги в XIX в. – это исповеди Василия

¹Однако после восьми лет, проведенных в одиночной камере, узник сумел убедить Александра II изменить ему наказание (к тому времени, действительно, был очень болен: цинга – выпали все зубы, опухло лицо; открылась чахотка), перевести его из крепости в ссылку в Сибирь, то есть фактически дать свободу. А из Сибири фантастическим образом через Японию Бакунин сумел бежать в Америку, а затем пароходом в Европу, в Англию, под дружескую опеку Александра Герцена. Здесь вновь включился в революционно-демократическую борьбу, которую продолжал до конца своих дней.

Кельсиева, Петра Лаврова; в XX отчасти – Бориса Ельцина: *Исповедь на заданную тему*, 1990; Бориса Немцова: *Исповедь бунтаря*, 2007). В бакунинской *Исповеди* существенное значение имели проблемы современной ему европейской политики. В ряду этих проблем особое место занимали описание деятельности Первого Славянского конгресса (1848) и идея всеславянского единства, которая буквально захватила, очаровала и покорила в тот момент русского революционера.

Напомню, что впервые *идея всеславянского единства* была высказана хорватским мыслителем, богословом, лингвистом Юрием Крижаничем (1617–1683) в XVII веке. Европейски образованный Крижанич в зрелом возрасте появился на Руси, где выступил перед царем Алексеем Михайловичем с предложением единения славянских народов под эгидой Русского Царства. Правда, он ратовал еще и за унию католической и православной церквей; за это поплатился шестнадцатилетней ссылкой в Тобольск. Там он написал свои труды по истории и политике, там же попытался впервые создать на основе русского единый славянский язык: *Грамматическое изыскание о русском языке (идея всеславянского языка, 1666 г.)* [14, с. I–X, 1–103; 18]. Как это ни удивительно, но идеи Крижанича, касающиеся всеславянского языка и единства славян, не погибли в Тобольске, а получили дальнейшее воплощение. Как отмечал Роман Якобсон: «...в XVIII в. его примеру последовал словенец Б. Кумездей (1738–1805), а в XIX в. – хорват Й. Вольтиджи и словак Я. Геркель, целью которого было «Unio in Litteratura inter omnes Slavos, sive verus Panslavismus» [единение в литературе между всеми славянами, или истинный Панславизм]» [29, с. 66]². С тех пор идея всеславянского единства время от времени актуализируется и приобретает остроту [5, 8, 17, 19–26]. В качестве ее синонимов выступают понятия «панславизм», «всеславянство», «славянская взаимность», «славянское единство», «славянское братство», «славянская солидарность» и др. Какого-либо единого толкования понятий не было и нет. Представители славянских народов, так называемые «общеславянские» мыслители часто оперировали понятием «славянство» [2, 4, 6, 12, 15, 28]³, но трактовали его произвольно, порой метафорически. Нет и единого подхода к «славянской идее». Лидеры каждого славянского народа, исходя из своей истории, своего геополитического положения и интересов на разных этапах существования и развития, то уповали на «славянскую идею», то отвергали ее. Сторонники идеи также не отличались единством: 1) одни видели в ней возможность сохранения политических и/или культурных связей с Россией; 2) другие, наоборот, стремились к объединению славянских народов в противовес России.

Напомню, что первая панславистская программа в России была создана в Обществе соединенных славян (1823–1825), слившимся впоследствии с декабристами⁴. Своей ближайшей целью Общество считало ликвидацию в России самодержавия и крепостничества, установление республики, восстановление независимости Польши; а конечной – «объединение всех славянских народов в одну демократическую республиканскую федерацию» [16, с.100].

² Ян Геркель ввел в словоупотребление понятие «панславизм» в 1826 г.

³ В современном понятийном словоупотреблении точности по-прежнему нет. См., например: «славяне (*славянство*) являются объединительным началом для разных этносов, народов, народностей. Такое объединение славян происходит по следующим признакам: Признак 1. Родственность языка; Признак 2. Общность происхождения; Признак 3. Объединенность различных племен в русле одного явления – славянства» [27].

⁴ Лидеры Общества соединенных славян: юнкер Петр Борисов, польский студент Юлиан Люблинский, офицер Иван Горбачевский; главный документ Общества – «Записки» И. Горбачевского.

В Европе актуализация идеи славянского единства началась на рубеже XVIII–XIX вв. среди западных и южных славян, когда начался процесс национального самоосознания и самоопределения славян, живших в пределах Османской и Австрийской империй. В 40-е гг. XIX в. сторонники славянской идеи выступили с призывом созвать общеславянский съезд.

В 1848 году в Праге по инициативе австрийских чехов и словаков (Павел Шафарик, Иосиф Елачич, Франтишек Палацкий) со 2 по 12 июня был проведен первый международный славянский конгресс. Участники – славяне Австрийской империи, поляки и приглашенные гости из других славянских стран. Председателем конгресса был избран историк, философ, эстетик Франтишек Палацкий, а основной целью поначалу мыслилось волеизъявление славян на ограничение германского господства в славянских землях Австрийской империи. (В конечном счете славяне ничего не выиграли; в 1867 г. на развалинах Австрийской возникла не славянская, а Австро-Венгерская империя).

У Бакунина приглашения не было, но он прибыл в Прагу и принял самое активное участие в конгрессе. Впервые, как он писал в *Исповеди*, в душе его пробудились славянские чувства и захлестнули его настолько, что заставили даже на время позабыть об интересах западно-европейского революционно-демократического движения, которому он еще ранее решил посвятить жизнь [1, с. 73]. Целый ряд фактов, событий, идей, оценок, связанных с Первым славянским конгрессом, получили яркое отражение в *Исповеди*. Автор описывает предысторию («происхождение») конгресса и сам конгресс: его структуру, раскладку политических сил и интересов, борьбу партий, сосредоточивается на национальном противостоянии немцев и славян, дает яркие зарисовки различных национальных типов. Подробно излагает содержание многочисленных выступлений, дискуссий, в которых принимал участие, при этом указывает на две глобальные цели, которые он преследовал как участник конгресса: 1) «совершенное разрушение Австрийской империи» [1, с. 85]; 2) «главная цель моя была найти в соединенных славянах точку отправления широкой революционной пропаганды в России, для начала борьбы» против русского царя [1, с. 86]; «я хотел революции в России» [1, с. 92]; «я желал республики» [1, с. 103].

В рамках небольшой статьи невозможно затронуть те разнообразные проблемы, темы, нюансы, которые привлекли внимание русского демократа, поэтому отмечу лишь некоторые.

1. Что касается истории «происхождения» конгресса, то здесь Бакунин обращает внимание в первую очередь не на политическую, а на культурную, литературную и лингвистическую составляющие в национальном самоопределении славян. Он подчеркивает, что в Праге издавна существовал «ученый литературный круг», главная цель которого состояла в «сохранении, поднятии и развитии чешской литературы, чешских национальных обычаев, а также и славянской национальности вообще, подавляемой, стесняемой, презираемой немцами... и мадьярами» [1, с. 74]. Литературный кружок «находился в живой и постоянной связи с подобными кружками между словаками, хорватами, словенцами, сербами, даже между лужичанами в Саксонии и Пруссии и был, как бы сказать, их главою» [1, с. 74]. В качестве «предводителей славянской пропаганды» [1, с. 75] выступали не политики, а ученые-слависты, историки, философы, поэты, писатели, священники: чешский историк, философ, эстетик – Франтишек Палацкий, чешский ученый-лингвист, один из основателей славяноведения – Павел Шафарик, их общий близкий друг, переводчик, славист – граф Иосиф Тун, чешский ученый и поэт – Вацлав Ганка, чешский писатель-священник – Ян Коллар, словацкий писатель – Иосиф Гурбан, словацкий поэт, филолог – Людовит Штур и др. С середины 40-

х гг. этот «невинный литературно-ученый кружок расширился, укрепился, охватил и увлек за собою всю молодежь, пустил корни в народные массы, – и литературное движение превратилось вдруг в политическое. Славяне ожидали только случая, чтобы явить себя миру. В 1848-м году этот случай обрелся» [1, с. 75]. Явлением славян миру и стал Первый Славянский конгресс.

2. Бакунин описывает структуру конгресса и определяет свое положение в ней. «Конгресс состоял из трех отделений: Северное, в котором были поляки, русины, шлензаки (селезцы); Западное, состоявшее из чехов, моравов, словаков, и Южное, в котором заседали сербы, хорваты, словенцы и далматы» [1, с. 78]. Сам Бакунин «вступил в Северное, то есть в польское отделение» [1, с. 79]. При вступлении он произнес краткую, но вдохновенную речь, где особо подчеркнул, что Россия отторглась от славянства в результате «порабощения Польши»; вина России усугубляется тем, что она предала Польшу «в руки немцев, общих и главных врагов всего славянского племени». Для того, чтобы «возвратиться к славянскому единству и братству», Россия должна освободить Польшу. Это одна из важнейших современных задач, поэтому место Бакунина на «славянском конгрессе должно быть между поляками». Поляки восприняли эту речь с воодушевлением и даже выбрали Бакунина «депутатом в южно-славянское отделение» [1, с. 79].

3. На съезде столкнулись сторонники разных концепций славянского единения. Бакунин, анализируя сложившуюся ситуацию, обнаружил такой расклад сил.

1) Ряд славянских деятелей поддерживал давнюю идею Крижанича о политическом, культурном и языковом объединении славян под эгидой России (в 20-е гг. ее развивал Йозеф Добровский, в 30-е – Йозеф Юнгман, в 40-е – Людевит Гай (потом он изменил свою позицию). Бакунин констатировал: «...известно, сколь глубоки и сильны симпатии славян к могучему русскому царству, от которого они надеялись опоры и помощи» [1, с. 75].

2) Категорически не принимали российское главенство чехи – сторонники австрославизма, объединившиеся на съезде вокруг Франтишка Палацкого – одного из творцов и идеологов австрославизма. Так называемая «чешская партия» связывала идею славянского единства с австрославизмом, то есть с созданием сильной федерации славян, австрийцев и венгров. Франтишек Палацкий выразил свою позицию на конгрессе так: «Мы хотим попытаться совершить куншттук (фокус, трюк) – оживить, исцелить и укрепить глубочайшим образом потрясенную австрийскую монархию на нашей славянской почве и с помощью нашей славянской силы» [1, с. 77]. Бакунин считал, что чешская партия намеревалась превратить «австрийскую монархию из немецкой в славянскую» [1, с. 77], «хотела... устроить в свою пользу нечто вроде чешской гегемонии и утвердить между самими славянами преобладание чешского языка, чешской национальности» [1, с. 77]. Эта позиция чехов «встретила сильное сопротивление в словаках, в шлензаках (силезцы), более же всего в поляках» которые «приехали в Прагу совсем не для того, чтобы покориться чехам, ...а ...в надежде найти тут опору и помощь для своих особенных национальных предприятий» [1, с. 77–78].

3) Среди поляков издавна существовали как пророссийские настроения, так и мощные антироссийские, представители которых считали, что главную роль в объединении всех славян должна сыграть Польша [3; 7, с. 49–56; 13]. Как свидетельствует Бакунин: с самых первых дней началась борьба между руководителями делегаций, «сильнее же всех борьба между поляками и чехами, между поляками и русинами» [1, с. 78].

4) Южные славяне, как заметил Бакунин, в дебатах не участвовали, бряцали оружием, «занимались исключительно приготовлениями к венгерской войне, уговаривая и прочих славян отложить все внутренние вопросы до совершенного низложения мадьяр» [1, с. 78].

Желаемого славянского единения на съезде не произошло. «Одним словом, – резюмировал Бакунин, – все тянули на свою сторону и все желали сделать себе из других скамью для своего собственного возвышения; более всех чехи, избалованные инсбрукскими комплиментами, а потом и поляки, избалованные не судьбою, но комплиментами европейских демократов» [1, с. 78].

5) Русских на конгрессе было всего двое: Бакунин и некий монах –инок Алимпий Милорадов – «из старообрядческого монастыря». Бакунин даже намеревался использовать его в своих целях: «Я не скрою... мне приходило на мысль употребить этого попа на революционерную пропаганду в России. Я знал, что на Руси много старообрядцев и других расколов, и что русский народ склонен к религиозному фанатизму. Поп же мой был человек хитрый, смысленый, настоящий русский плут и пройдоха, бывал в Москве, знал много о старообрядцах да и о расколах вообще в русской империи... Но я не имел времени заняться им, сомневался отчасти в нравственности такого сообщества, не имел еще определенного плана для действия, ни связей, а главное не имел денег; без денег же с такими людьми и говорить нечего» [1, с. 80]. Так что союз русского революционера с попом не состоялся. Что касалось русских радикалов 40-х гг., к которым принадлежал Бакунин, то у них идея славянского единства носила явно революционную окраску. Причем, если Александр Герцен видел будущее славянского мира в свободной федерации, ядром которой ему представлялась Россия, свободная от крепостничества и самодержавия, то Бакунин шел значительно дальше в своих проектах: на конгрессе он горячо убеждал славян в необходимости разрушить все империи, где проживают славяне, – Османскую, Австрийскую, Российскую. И на их развалинах построить Великую вольную славянскую федерацию со столицей в Константинополе [1, с. 101–102]. При этом отношение Бакунина к современной России в ее притязаниях на всеславянское господство было резко отрицательным. В *Исповеди* он пишет: «ошибаются и те, которые для восстановления славянской независимости надеются на помощь русского царя... Император Николай не любит ни народной свободы, ни конституций: вы видели живой пример в Польше» [1, с. 83]. Бакунин разоблачает практику русского правительства, которое с помощью своих агентов, разосланных в славянские земли, распространяет панславистскую идею «приближающегося будто бы освобождения всех славян могучею силою русского царства» [1, с. 83]. Бакунин указывает на имперские вождедения правительства: «не сомневаюсь, что оно видит в... будущности момент, когда все славянские земли войдут в состав Российской империи» [1, с. 83]. Но современная Россия, предостерегал Бакунин, – это «тюрьма», «гроб всякой народной жизни и всякой свободы» [1, с. 84]. Обращаясь на съезде к славянам, он говорил: «...вы хотите жизни, а там мертвое молчанье, требуете самостоятельности, движенья, а там механическое послушание, желаете воскресенья, возвышенья, просвещенья, освобожденья, а там смерть, темнота и рабская работа» [1, с. 83]. Бакунин отмечает, что, конечно, «без России славянское единство неполно и нет славянской силы; но безумно было бы ждать спасенья и помощи для славян от настоящей России» [1, с. 84]. В сложившихся условиях Бакунин советует славянским народам объединиться сначала «вне России», стать «освободителями российского народа, который в свою очередь будет потом вашу силу и вашим щитом» [1, с. 84].

В конечном счете в своей общей оценке славянского конгресса Бакунин, с одной стороны, отметил его важность, правда, в исповеди, обращенной к русскому царю, он ограничился лишь эмоциональной констатацией: «это было первое свидание, первое знакомство, первая попытка соединения и уразумения славян между собою» [1, с. 74]; с другой стороны, он указал на ничтожную практическую значимость съезда: «что же касается до самого конгресса, то он, равно как и все другие современные конгрессы и политические собрания, был решительно пуст и бессмыслен» [1, с. 74]. Эти оценки, представленные в *Исповеди* в 1851 г., конечно, отличаются от тех, которые давал Бакунин конгрессу в 1848 г. Тогда он был воодушевлен и охвачен новой идеей всеславянского единства, в 1851 г. – он узник, обреченный на смерть. И все же в *Исповеди*, обращенной к императору, мы видим не раскаяние и смирение, а смелое и честное признание – если даже ни пропаганду революционно-демократических убеждений (важен принцип «автоцитирования»). Кажется, именно эта откровенность «заворожила» и подкупила «духовного отца» – Николая I, а «духовному сыну» – Бакунину, спасла жизнь. Сама же идея славянского единения станет на многие годы одной из любимых у русского анархиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакунин М. А. *Исповедь*. СПб.: Азбука-классика, 2010.
2. Венелин Ю. И. *Истоки Руси и славянства*. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
3. Wisłocki W. *Kongres słowiański roku 1848 i prawa polska*. «Rocznik Zakładu Narodowego im. Ossolińskich». Т. 1–2. Lwow, 1928.
4. Гильфердинг А. Ф. *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
5. Григорьева А. А. *Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века)*. Иркутск: Аспирант, 2013.
6. Грот К. Я. *Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете*. М.: КомКнига, 2005.
7. Дьяков В. Поляки на Славянском съезде 1848 г. // *Славянское движение XIX–XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения*. С. 49–56.
8. Дьяков В. А. *Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России*. М.: Наука, 1993.
9. Kamiński A. *Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michaiła Bakunina*, wyd. Akademii ekonomicznej im. Oskara Langego we Wrocławiu. Wrocław, 2004. S. 7–38; 406–463.
10. Kamiński A. *Michaił Bakunin. Życie i myśl. T. 1. Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848)*, wyd. Uniwersytet Ekonomiczny we Wrocławiu. Wrocław, 2012.
11. Kamiński A. *Michaił Bakunin. Życie i myśl. T. 2. Podpalacz Europy (1848–1864)*, wyd. Uniwersytet Ekonomiczny we Wrocławiu. Wrocław, 2013.
12. Леонтьев К. Н. *Византизм и славянство*. М.: Азбука-классика, 2007.
13. Leśniewski A. *Bakunin a sprawy polskie w okresie Wiosny Ludów*. Łódzkie Towarzystwo Naukowe, Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu. Wrocław, 1962.
14. Маркевич А. И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Историко-литературный очерк // *Варшавские университетские известия*, 1876. №1. С. 1–X, 1–122; №2. С. 1–103.
15. Миллер О. Ф. *Славянство и Европа*. М.: Институт русской цивилизации, 2012.
16. Нечкина М. В. *Декабристы*. М.: Наука, 1982.
17. Прокудин Б. А. *Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук*. М., 2007.
18. Пушкирарев Л. Н. *Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества* / Под ред. В. И. Буганова. М.: Наука, 1984.
19. *Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX в.* М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992.
20. *Россия и славяне: Политика и дипломатия. Материалы международной научной конференции «Россия и славяне XVIII в.–1918 г.»* // *Балканские исследования*. Вып. 15. М.: Наука, 1992.
21. *Славяне и Россия: сборник статей к 70-летию со дня рождения С. А. Никитина*. М.: Наука, 1972.
22. *Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина*. М.: Тезаурус, 2013.

23. *Славянская идея: История и современность*. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, **1998**.
24. *Славянские съезды XIX–XX вв.* / Под ред. М. Ю. Досталя. М.: **1994**.
25. *Славянский вопрос: веки истории*. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, **1997**.
26. *Славянское движение XIX–XX вв: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. Сб. ст. и материалов* / Под ред. М. Ю. Досталя. М.: Международная ассоциация писателей баталистов и маринистов, **1998**.
27. Тюняев А. А. История возникновения мировой цивилизации (системный анализ) // *Организмика*. **2013**. №4 (120). URL: <http://www.organizmica.org/index.html>
28. Штур Л. *Славянство и мир будущего*. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, **1867**.
29. Якобсон Р. *Работы по поэтике*. М.: Прогресс, **1987**.
30. URL: <http://bakunin.pl/>

Поступила в редакцию 13.08.2013 г.

FIRST SLAVIC CONGRESS IN THE CONFESSION OF MIKHAIL BAKUNIN

© L. F. Lutsevich

University of Warsaw

26/28 Krakow Suburb Street, 00-927, Warsaw, Poland.

E-mail: l_luts@rambler.ru

The paper examines the work of the Russian revolutionary Mikhail Bakunin "Confession" which belongs not only to the category of personal, but also historical, political, journalistic documents. The "Confession" focuses on the contemporary problems of European politics, among them a special place is occupied by the description of the First Slavic Congress (1848) and the idea of pan-Slavic unity expressed for the first time by Croatian thinker, theologian and linguist Yury Krizhanich. In "Confession" Bakunin has colourfully reflected a number of facts, events, ideas and opinions related to the first Slavic Congress: the author describes the background ("origin") of the Congress and the Congress itself, its structure, the alignment of political forces, fighting parties, he focuses on national opposition of Germans and Slavs, gives vivid sketches of various national types. In the first point Bakunin primarily has paid attention not to political but cultural, literary and linguistic components in national self-determination of the Slavs. Bakunin also has described the structure of the Congress and determined his own position in it. Bakunin has "joined the North, i.e. Polish branch" and in his introduction speech stressed that Russia has broken away from the Slavs as a result of "enslavement of Poland". In order to "return to Slavic unity and brotherhood", Russia should withdraw from Poland. Furthermore, Bakunin analyzed the alignment of political forces in the Congress: 1) the number of Slavic leaders supported Krizhanich's idea of political, cultural and linguistic unification of the Slavs under patronage of Russia, 2) Czechs as supporters of Austroslavism could not accept the primacy of the Russia absolutely, 3) Poles had powerful and long existed both pro-Russian and anti-Russian feelings, the representatives of the last believed that Poland should play the main role in the unification of all Slavs 4) southern Slavs did not participate in the debate; 5) there were only two of Russian at the Congress: Bakunin and a monk Alimpy Miloradov. At the congress Bakunin passionately urged Slavs to destroy all the Slavs inhabited empires (Ottoman, Austrian, Russian), and to build on their ruins the Great Free Slavic Federation and make Constantinople its capital. The Bakunin's attitude to ambitions of Russian Empire to be the leader of all the Slavs was sharply negative. Bakunin gave overall estimate of the Slavic Congress, on the one hand he noted its importance on the other hand he pointed out its tiny practical significance. The idea of Slavic unity for many years would be one of the Russian anarchist's most favorite.

Keywords: *Mikhail Bakunin, First Slavic Congress, idea of pan-Slavic unity, Russian radicals, Nicholas I, Russian Empire.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Lutsevich L. F. First Slavic congress in the confession of Mikhail Bakunin // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 4. Pp. 323–331.

REFERENCES

1. Bakunin M. A. *Ispoved' [Confession]*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, **2010**.
2. Venelin Yu. I. *Istoki Rusi i slavyanstva [The Origins of Rus and Slavs]*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, **2011**.
3. Wisłocki W. *Kongres słowiański roku 1848 i prawa polska. «Rocznik Zakładu Narodowego im. Ossolińskich»*. Vol. 1–2. Lwow, **1928**.
4. Gil'ferding A. F. *Rossiya i slavyanstvo [Russia and Slavs]*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, **2009**.
5. Grigor'eva A. A. *Panslavizm: ideologiya i politika (40-e gody XIX – nachalo XX veka) [Pan-Slavism: Ideology and Politics (40s of 19th - Beginning of 20th Century)]*. Irkutsk: Aspirant, **2013**.
6. Grot K. Ya. *Ob izuchenii slavyanstva. Sud'ba slavyanovedeniya i zhelatel'naya postanovka ego prepodavaniya v universitete [On the Study of the Slavs. The Fate of Slavic Studies and Desirable Way of Teaching Them at University]*. Moscow: KomKniga, **2005**.
7. D'yakov V. *Slavyanskoe dvizhenie XIX–XX vekov: Saezdy, kongres-sy, soveshchaniya, manifesty, obrashcheniya*. Pp. 49–56.
8. D'yakov V. A. *Slavyanskii vopros v obshchestvennoi zhizni dorevolyutsionnoi Rossii*. Moscow: Nauka, **1993**.
9. Kamiński A. *Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michaiła Bakunina*, wyd. Akademii ekonomicznej im. Oskara Langego we Wrocławiu. Wrocław, **2004**. Pp. 7–38; 406–463.
10. Kamiński A. *Michaił Bakunin. Życie i myśl*. Vol. 1. Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848), wyd. Uniwersytet Ekonomiczny we Wrocławiu. Wrocław, **2012**.
11. Kamiński A. *Michaił Bakunin. Życie i myśl*. Vol. 2. Podpalacz Europy (1848–1864), wyd. Uniwersytet Ekonomiczny we Wrocławiu. Wrocław, **2013**.
12. Leont'ev K. N. *Vizantizm i slavyanstvo [Byzantism and Slavs]*. Moscow: Azbuka-klassika, **2007**.
13. Leśniewski A. *Bakunin a sprawy polskie w okresie Wiosny Ludów. Łódzkie Towarzystwo Naukowe, Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu*. Wrocław, **1962**.
14. Markevich A. I. *Varshavskie universitetskie izvestiya*. **1876**. No. 1. S. I–Kh, 1–122; No. 2. Pp. 1–103.
15. Miller O. F. *Slavyanstvo i Evropa [Slavs and Europe]*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, **2012**.
16. Nechkina M. V. *Dekabristy [Decembrists]*. Moscow: Nauka, **1982**.
17. Prokudin B. A. *Ideya slavyanskogo edinstva v politicheskoi mysli Rossii XIX veka: genezis, osnovnye napravleniya i etapy razvitiya: avtoref. dis. ...kand. polit. nauk*. Moscow: **2007**.
18. Pushkarev L. N. *Yurii Krizhanich. Ocherk zhizni i tvorchestva [Yuri Krizhanich. Essay on the life and work]*. Ed. V. I. Baganova. Moscow: Nauka, **1984**.
19. *Rossiiskoe obshchestvo i zarubezhnye slavyane. XVIII – nachalo XX v. [Russian Society and Foreign Slavs. 18th - Beginning of 20th Century]*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, **1992**.
20. *Rossiya i slavyane: Politika i diplomatiya*. Materialy konferentsii «Rossiya i slavyane XVIII v.–1918 g.» // Balkanskie issledovaniya. No. 15. Moscow: Nauka, **1992**.
21. *Slavyane i Rossiya: sbornik statei k 70-letiyu so dnya rozhdeniya S. A. Nikitina [Slavs and Russia: Collection of Articles on the 70th Birthday Anniversary of S.A. Nikitin]*. Moscow: Nauka, **1972**.
22. *Slavyane i Rossiya: K 110-letiyu so dnya rozhdeniya S. A. Nikitina [Slavs and Russia: On the 110th Birthday Anniversary of S.A. Nikitin]*. Moscow: Tezaurus, **2013**.
23. *Slavyanskaya ideya: Istoriya i sovremennost' [Slavic Idea: History and Modernity]*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, **1998**.
24. *Slavyanskoe dvizhenie XIX–XX vv. [Slavic congresses of 19th-20th Centuries]*. Ed. M. Yu. Dostalya. Moscow: **1994**.
25. *Slavyanskii vopros: vekhi istorii [Slavic Question: Milestones of History]*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, **1997**.
26. *Slavyanskoe dvizhenie XIX–XX vv: saezdy, kongressy, soveshchaniya, manifesty, obrashcheniya [Slavic Movement of 1th-20th Centuries: Congresses, Meetings, Manifestos, Petitions]*. Sb. st. i materialov. Ed. M. Yu. Dostalya. Moscow: Mezhdunarodnaya assotsiatsiya pisatelei batalistov i marinistov, **1998**.
27. Tyunyaev A. A. *Organizmika*. 2013. No. 4 (120). URL: <http://www.organizmika.org/index.html>
28. Shtur L. *Slavyanstvo i mir budushchego [Slavs and Future World]*. Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, **1867**.
29. Yakobson R. *Raboty po poetike [Work on Poetics]*. Moscow: Progress, **1987**.
30. URL: <http://bakunin.pl/>

Received 13.08.2013